

РОСТИСЛАВ ИЩЕНКО

Фраза «дети — наше будущее» банальна, но справедлива (как, впрочем, любая банальность). Ещё одной банальностью, многократно повторённой разными политиками в разных вариантах, является утверждение, гласящее, что мне не надо выигрывать у вас войны и отнимать ваши земли, если я могу отнять души ваших детей. В таком случае ваше будущее просто не состоится, оно станет моим.

Когда недавно Виктория Нуланд, бывший помощник Госсекретаря США, известная раздачей печенья на киевском майдане, заявила, что Америке надо перевербовать российскую молодёжь, чтобы победить нашу страну в новой холодной войне, это тоже была банальность. Справедливая, как все банальности. И предельно опасная, поскольку, несмотря на уже не сползание, а падение в яму кризиса, США всё ещё располагают неплохими возможностями для реализации этой программы.

Россия усиливается, богатеет, растёт благосостояние народа, в ней многое делается для подрастающего поколения. Работают тысячи бесплатных кружков и секций, талантливых детей принимают «Артек», «Сириус» и до десятка подобных структур по стране (а будет и больше). Наши команды школьников и студентов побеждают на мировых научных олимпиадах. Доступ к быстрому «Интернету» во многом уравнивает шансы и возможности столиц и медвежьих углов. Все, конечно, никогда не будут находиться в абсолютно равных условиях (в столицах и мегаполисах возможностей всё равно больше). Но современным Ломоносовым уже не надо идти за наукой с рыбным обозом — их старательно ищет само государство.

Многие считают, что этого достаточно. Россия не сегодня-завтра станет примером для всего мира. Нам будут завидовать. Американцы будут стоять в очередь за российским гражданством, а европейские страны проситься в состав России. Соответственно, молодёжь будет гордиться своей страной.

Возможно. Но не вся. Всегда есть какой-то процент «революционеров-диссидентов». А каким будет этот процент, зависит от тонкой и взвешенной работы государственной власти как с молодёжью, так и со всем обществом.

В России дважды (в 1917 году и в 1991 году) совершало революцию и разрушало страну поколение более благополучное и эмансипированное, чем предшествующие.

Послевоенные советские поколения выросли в условиях, которые не снились не только их дедам и прадедам, но даже отцам и матерям. К середине 70-х годов население в целом было обеспечено пристойным жильём, крестьяне получили паспорта, а с ними и возможность реализовать себя не только на колхозных полях. Жёсткость советского режима сошла на нет. В магазинах не было изобилия, но не было и голода. Икру, красную рыбу, американские джинсы и восточноевропейскую мебель и одежду «доставали», но кто хотел, имел. За автомобилями стояли в очереди. Значит, деньги на их приобретение были у многих, поскольку в 70-е личный автомобиль не был чем-то экстраординарным. Кто хотел большего, всегда мог завербоваться «за длинным рублём» на Крайний Север или на Дальний Восток. Даже школьников перестали оставлять на второй год.

И вот это-то поколение американских джинсов и развалило СССР, под собственное радостное улюлюканье.

Думаете, в 1917 году было по-другому? Напомню, что революцию совершило первое после отмены крепостного права эмансипированное поколение. Поколение, для которого были открыты гимназии, реальные училища, высшие начальные училища и масса сельских школ. Поколение, в котором крестьянские дети получили возможность поступать в университеты и делать служебную карьеру вплоть до высших должностей.

Пример — одна биография.

Илья Николаевич Ульянов (отец Владимира Ильича Ленина). Родился в семье астраханского (глубокая провинция) мещанина (портного), бывшего крепостного крестьянина. Рано осиротел и воспитывался попечением старшего брата.

Всё это не помешало ему закончить с серебряной медалью Астраханскую гимназию, а затем с отличием и со степенью кандидата математических наук физмат Казанского университета. Далее на протяжении 32 лет учительствовал и занимал руководящие должности (инспектор, а затем директор народных училищ) в системе образования Симбирской губернии. Трижды выслужил потомственное дворянство: по чину (действительный статский советник) в 1877 году, по ордену Святого Владимира 3-й степени в 1882 году. По ордену Святого Станислава 1-й степени в 1886 году. С 1881 года, продолжая служить, получал (дополнительно к жалованью) полный пенсионный оклад в размере жалованья (1 тысяча рублей в год — по тем временам огромные деньги).

Супруга Ильи Николаевича, Мария Александровна (мать Ленина) из семьи врачей-разночинцев, владела частью деревни Кокушкино. После смерти Ильи Николаевича семья жила на её вдовью пенсию (которую «проклятый царизм» платил ей за супруга), а также на доходы с деревни.

Вроде бы как не было у этой семьи оснований бороться с режимом. Илья Николаевич поднялся в организованном этим режимом социальном лифте из самых низов общества на самый верх. Поскольку же учёным он не стал (и явно не собирался), похоже, что основным (если не единственным) его талантом было врождённое трудолюбие.

Тем не менее все дети потомственного дворянина, действительного статского советника Ульянова стали революционерами, а мать их в этом увлечении поддерживала. Если Илья Николаевич так собственных детей воспитал, можно только догадываться, как был под его руководством поставлен процесс воспитания чужих детей в народных училищах Симбирской губернии, которые долгие годы находились в полной его власти. И ведь это не какое-то исключение — достаточно характерная для своего времени семья.

Это сын маргинализировавшегося сапожника из инородцев и неудачливый семинарист Джугашвили — нехарактерная для революционного движения личность. А сын крупного

землевладельца (из еврейских колонистов Новороссии) Троцкий, сын земского заседателя в окружном полицейском управлении Красин, сын действительного статского советника Ленин — более, чем характерны. Их родители сделали карьеру благодаря реформам трёх последних царей, а они решили в благодарность «до основания» разрушить режим, обеспечивший их благополучное, сытое, беззаботное детство.

Кстати и в США сейчас страну шатают поколение социальных иждивенцев. Они тоже, в отличие от предыдущих поколений, не знали, что такое работа, поскольку большая часть реального производства покинула пределы США ещё до их рождения. Многие просто жили на пособие всю жизнь и даже не пытались заняться чем-нибудь общественно-полезным. Сейчас же они разбирают по кирпичику ту самую Америку, которая обеспечила им эту возможность.

Так что чаще всего страну уничтожает первое беззаботное поколение.

Происходит это потому, что государство, привыкшее к тому, что население традиционно понимает цену стабильности, в какой-то момент упускает из вида изменившиеся обстоятельства и опаздывает с организацией воспитательной работы с новым поколением.

До реформ Александра II качественное образование, позволявшее занимать высшие должности, получали в подавляющем большинстве выходцы из высшего дворянства. Поколения служивших России предков выработали своего рода неписанный кодекс поведения государственного служащего, не позволявший ему находиться в серьёзной оппозиции к престолу. Что-то могло не нравиться, что-то критиковаться, но кроме феномена декабристов (слишком полюбивших «французские свободы») серьёзной элитной фронды в империи не наблюдалось.

А затем в течение считанных лет люди из низов тогдашнего общества стали в массовом порядке получать образование, а с ним и доступ к высшим должностям. При этом ощущения абсолютного социального равенства со столбовым дворянством, с которым они вдруг оказались в равном служебном положении, у них не было. Поэтому тут же началось смятение умов и революционное брожение. Они не вписывались в традиционную сословную структуру империи. От своего сословия оторвались, к высшему не прибились, не чувствовали себя в нём своими. Ждать эволюционных изменений не

хотели. К власти никакой благодарности за собственное вознесение не чувствовали, ибо считали себя значительно более умными и достойными, чем власть.

Я это называю «комплексом студента». Студентам и молодым учёным часто кажется, что они достаточно талантливы и уже достаточно познали все тайны мира, чтобы перевернуть планету и осчастливить человечество. Преподаватели им представляются обскурантами, власти — реакционерами. Поэтому в университетах (в любом обществе) обычно гнездится зараза революции. Человек не получает патриотизм вместе с образованием и даже с талантом. Можно быть гением, но при этом ненавидеть собственное государство. СССР ведь также развалило наиболее образованное и наиболее советское из всех поколений — поколение младших научных сотрудников — первое пришедшее к власти в лице Горбачёва поколение, которое родилось и выросло в СССР и никакой другой реальности не видело — плоть от плоти, кровь от крови советской системы.

Если что-то регулярно повторяется, значит, это явление носит системный характер. Если из века в век в самых разных странах дестабилизирующей силой становится поколение, которое, во-первых, получило расширенный доступ к образованию и, во-вторых, не сталкивалось с трудностями, осложнявшими жизнь предыдущим поколениям, значит, на новом витке истории ситуация должна вновь повториться.

Между тем в России поколение, никогда не видевшее ужаса 90-х, уже учится в ВУЗах, а поколение, не достигшее в 90-е школьного возраста, ВУЗы закончило. Да, ещё лет двадцать общественное сознание будут формировать предыдущие поколения, но затем очень быстро власть в стране окажется в руках у тех, кого сегодня окучивает Навальный.

Подчеркну, это могут быть прекрасные талантливые воспитанные дети, отличники, умницы, радость родителей и преподавателей. Но души их будут в руках у наших врагов, а мы об этом даже не будем догадываться, пока не пробьёт час X.

Да, сегодняшняя пятая колонна (не оппозиция, а именно пятая колонна) не слишком успешно работает с подрастающим поколением. Ей мешают две вещи: нарциссизм и догматизм лидеров этой самой пятой колонны. Но также есть две вещи, не позволяющие нам почивать на лаврах.

Первая — извечная проблема отцов и детей. Молодёжь всегда желает улучшить мир, доставшийся ей по наследству. При этом, не обладая достаточным жизненным опытом, заставляющим старшие поколения относиться к переменам осторожно, многократно отмерять, прежде чем отрезать, она (молодёжь) радикальна, амбициозна и самоуверенна. Новое поколение всегда считает, что может решить все проблемы одной кавалеристской атакой, и её легко к этой атаке подтолкнуть. Таково свойство человеческой натуры. Новое поколение всегда пытается доказать старшему, что оно уже вполне самостоятельно и лучше знает, что надо делать. Короче, новое поколение в определённой мере всегда оппозиционно старшему.

Вторая — молодёжь неосознанно ориентируется на примеры успешности. Тот же Навальный, не напрягаясь, летает на отдых в экзотические страны, ест омаров, не испытывает недостатка не только в деньгах, но и в общественном внимании. А всей-то работы — власть ругать. Так власть всегда кто-то за что-то ругает. Весь риск — два условных срока. Почему не пойти по его пути? Ведь иные дороги далеко не так быстро и не настолько гарантированно приводят к столь пафосной жизни и общественной известности.

Казалось бы, решение проблемы простое. Его, кстати, часто предлагают. Перекрыть кислород тем деятелем науки, искусства, а также тем политикам и общественным деятелям, которые не выказывают достаточный уровень лояльности существующей системе. Обеспечить лояльным карьерный рост и прочие плюшки. После этого большинство должно выбрать правильную линию поведения.

Что ж, эксперимент уже поставлен. По этому пути пошёл СССР, и его больше нет. Большинство советских людей действительно демонстрировало лояльность ради карьеры. Но это делало систему всё более догматичной, всё менее гибкой, а значит, неспособной отвечать на неожиданные вызовы. В результате страна рассыпалась за пятилетку в ходе не самого страшного кризиса, который сами же реформаторы (искавшие ответ на новые вызовы) и инициировали.

Глушить инициативу, навязывать заранее предписанную схему лояльности — себе дороже. В лучшем случае вырастает поколение лицемерных, циничных карьеристов, декларирующих одно, а мечтающих о другом и легко продающих страну ради реализации своих мечтаний.

Итак, мы не можем наглухо закрыть или даже серьёзно ограничить представителям новых поколений путь в элиту, независимо от их взглядов и убеждений. Это верный путь в никуда. В то же время, мы не можем допустить повторения событий 1917 и 1991 года, когда выпестованное государством беззаботное поколение, так же беззаботно разрушило собственное государство в своём стремлении к лучшему. И мы знаем, что наши враги уже строят планы на наших детей, уже прокладывают для них дорогу «к лучшему будущему», в конце которой существование России не предусмотрено.

Метод «организованного патриотизма», «уроки патриотизма» в школах, соответствующие лекции в ВУЗах также имеет существенные ограничения. Мало, кто из учителей/лекторов способен сделать из этого увлекательное занятие, а не отбывание номера. К тому же юношество будет рассматривать подобные занятия, как нечто внешнее, навязанное старшим поколением. Таким образом, для многих патриотизм может стать негодным приложением к ненавистным «урокам патриотизма». В принципе, любое хорошее дело выхолащивается, если оно становится всеобщим и обязательным.

Думаю, что для начала необходимо очистить от лишних людей образование. Когда-то народный учитель был весьма уважаемым человеком, а уже когда мы учились в университете, нам говорили: «Будете плохо учиться, пойдёте работать в школу». То есть люди, которые не хотят или не могут учиться, не должны засорять систему образования, ориентирующуюся на средний уровень учащегося (и тем снижающая планку).

В школы необходимо вернуть двойки и оставление на второй год. Если же человек и за два года не смог усвоить программу, то отчислять. Начиная с возраста 14 лет (наступление частичной уголовной ответственности и получение права на эмансипацию) ребёнок должен сам решать, хочет ли он продолжать учёбу или полученных знаний ему достаточно. При этом люди должны иметь возможность наверстать упущенное в детстве и получить образование в любом возрасте (но уже за деньги).

Выполнение этого первого условия позволит нам очистить ряды образованных людей, от огромного количества имеющих диплом, но не имеющих знаний. Повысится качество образования, главное же, получившие его уже будут знать цену труду. Их трудовой опыт будет получен не на «уроках технологии», скорее, профанирующих труд, чем ему обучающих, а на базе собственных усилий, по обретению знаний. Получив же поколение учёных-тружеников, рассматривающих работу в науке не как механизм получения учёных званий, грантов и прочих плюшек, а как удовлетворение своей тяги к познанию

нового, мы сможем и научные институты очистить от амбициозного шлака, не умеющего ничего, кроме как критиковать власти за собственную профессиональную импотентность.

В принципе, для снижения напряжения (из-за того, что мне чего-то не досталось или я проиграл конкуренцию) в образовании и науке можно всё оставить, как есть. Только это будет стоить дороже, поскольку придётся создавать отдельные кластеры элитного образования для талантливых детей (Касталии), а также настоящую науку внутри фиктивной науки. Но такие форматы создают сложности для контроля, а значит, появляется простор для коррупции.

Однако возвращением престижности образованию и науке, как сферам деятельности «не для всех», проблему не решить. Заявленная выше оппозиционность молодёжи старшему поколению всё равно останется и при грамотной работе наших врагов легко будет перерасти в революционность. Чтобы этого избежать, необходимы две вещи. Во-первых, патриотическое воспитание должно начинаться не в школе, а в семье и в дошкольных учреждениях. Примерно до 7–8 лет ребёнок ещё ощущает себя детёнышем, требующим заботы старших, и учится у них (старших) выживать. Это тоже инстинкт. Усвоенные в этом возрасте принципы и запреты, как правило, сохраняются на всю жизнь, их очень трудно сломать.

Но этого тоже недостаточно, поскольку дальше ребёнок попадает в коллектив, а коллективный разум отличается от индивидуального. Сотня индивидуальных пацифистов, оформленная в армейское подразделение, вооружённая и обученная, становится коллективным убийцей, эффективность которого зависит от качества вооружения и обучения, а не от личных взглядов каждого.

Молодым коллективам необходимо дело. Не одно на всех, вроде тимуровцев или поездок «за туманом и за запахом тайги». Дела должны быть разными, в зависимости от региона и населенного пункта (сельская школа и школа в мегаполисе не могут увлечь своих учеников одним и тем же). У гуманитариев и математиков могут быть разные интересы. Главное, чтобы дело, которым увлечётся молодёжь, являлось не антитезой, но продолжением дела отцов и дедов.

Хочешь доказать, что ты лучше — не надо ломать созданное. Улучши имеющееся. Построй новый дом или переделай старый. Считаешь несправедливым

законодательство — изучи его и внеси предложения по улучшению. Тебя не удовлетворяет технологический уровень родной страны — займись разработкой технологий в той сфере, которая тебя интересует. Развивая такой подход, мы одним выстрелом убиваем двух зайцев. Во-первых, новое поколение раньше определяется со своими профессиональными и научными предпочтениями, раньше налаживает контакты со сверстниками, имеющими те же интересы. То есть будущие команды формируются на более ранней стадии.

Во-вторых, на собственном опыте, без занудных внушений старших молодёжь постепенно приучается к тому, что консервативный, эволюционный подход — более верный путь к успеху, чем революционная кавалерийская атака, после которой остаются руины старого мира, а новый ещё даже не спроектирован.

Подобный подход требует активного развития межшкольной и межвузовской системы образования. Прекрасному математику, историку, биологу, физику, географу или филологу зачастую не с кем конкурировать не только в своей школе, но и на сотни, а то и тысячи километров вокруг. Привыкая к своей эксклюзивности, не получая опыта конкуренции с равными, они в лучшем случае останавливаются в профессиональном росте, в худшем же у них формируется убеждение своего абсолютного превосходства над всеми людьми. В реальной жизни рано или поздно наступает разочарование. Выясняется, что человек не только не лучший, но очень далёк от совершенства. Многие ломаются и полностью уходят из профессии — теряем таланты. Кто-то преодолевает трудности и доказывает себе и другим, что он таки один из лучших (именно один из, а не единственный). Кто-то чувствует себя ущемлённым, не верит, что он мог кому-то уступить, подозревает несправедливость, подтасовки, озлобляется на людей, общество и государство. Первая и третья группа — поставщики кадров для оппозиции.

Сегодняшний развитый интернет позволяет легко обеспечить связь групп по интересам по всей стране. Будет значительно лучше, если юный математик с Чукотки будет обсуждать в интернете математические проблемы с такими же юными математиками из Крыма и Калининграда, чем если он в том же интернете будет с теми же математиками обсуждать своё стремление к революционным переменам.

Любая профессиональная деятельность консервативна и учит эволюционному подходу. Если человек становится профессионалом в своём деле, профессиональный консерватизм он переносит на все сферы общественной жизни, в том числе на политику. Чем в более юном возрасте начал человек свой профессиональный рост, тем раньше он станет консерватором-эволюционистом.

Конечно, будут и исключения. Но нас интересует позиция поколения, а не отдельных его представителей. Процентом пять революционеров всегда есть в любом обществе. Но если общество стабильно и консервативно, их судьба — злобствовать на кухне и ругаться между собой в маргинальных революционных СМИ, выясняя, кто из них виноват в том, что они, такие умные и красивые, есть, а революции до сих пор нет.

В противном случае, всегда найдётся кто-то, кто вовремя подвезёт печенье.

[ОРИГИНАЛ](#)